

*зачем быть
счастливой,*
ЕСЛИ МОЖНО БЫТЬ
НОРМАЛЬНОЙ?

джанет
УИНТЕРСОН

No Kidding Press

18+

Дженет Уинтерсон

Зачем быть счастливой, если можно быть нормальной?

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69164350
Джанет Уинтерсон: No Kidding Press; Москва; 2023
ISBN 978-5-6048611-0-3

Аннотация

В книге «Зачем быть счастливой, если можно быть нормальной?», впервые опубликованной в 2011 году, Джанет Уинтерсон возвращается к истории своего детства в приемной семье, легшей в основу полуавтобиографического романа «Не только апельсины» (1985), – на этот раз помещая ее в мемуарную рамку. Юные годы в промышленном городке на севере Англии, трудности взросления наперекор ожиданиям приемных родителей, истовых христиан-пятидесятников – развязку этой истории диктует сама жизнь. Надежду на освобождение от неприкаянного прошлого дает увлечение британской литературой и любовь к слову, которые Джанет Уинтерсон не только пронесет через десятилетия, но и сделает своим ремеслом. Отправляясь на поиски биологической матери двадцать пять лет спустя, она присваивает прошлый опыт, учится любить и примиряется с собой.

Содержание

1. ЧУЖАЯ КОЛЫБЕЛЬ	6
2. МОЙ ВАМ СОВЕТ: РОЖДАЙТЕСЬ	21
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Джанет Уинтерсон Зачем быть счастливой, если можно быть нормальной?

Jeanette Winterson

WHY BE HAPPY WHEN YOU COULD BE NORMAL?

Jonathan Cape

Copyright © Jeanette Winterson 2011

This edition is published by arrangement with The Peters
Fraser and Dunlop Group Ltd through The Van Lear Agency
LLC

© Елена Троян, перевод на русский язык, 2023

© Gary Calton, фотография на обложке

© Издание на русском языке, оформление. No Kidding
Press, 2023

* * *

*Трем моим матерям:
Констанции Уинтерсон
Рут Ренделл
Энн С.*

* * *

С любовью и благодарностью Сьюзи Орбах.

Я бы также хотела сказать спасибо Полу Шереру за составление моего семейного древа и Бибан Кидрон за ее телефон доверия. Спасибо Вики Ликориши и детям – моей семье. Спасибо всем моим друзьям за верность и поддержку. И, наконец, спасибо Кэролайн Майкл – потрясающей агентке и замечательной подруге.

1. ЧУЖАЯ КОЛЫБЕЛЬ

Когда моя мать сердилась на меня, а бывало это часто, то говорила: «Дьявол подсунул нам чужую колыбель».

Так и вижу: 1960 год, Сатана отвлекается от своих насущных дел (холодной войны и маккартизма), чтобы навестить Манчестер. Цель визита – обмануть миссис Уинтерсон. Отдает откровенной театральностью. Эта женщина откровенно страдает от депрессии; она хранит револьвер в ящике с тряпками и щетками, а патроны держит в коробке из-под мастики. Ночи напролет печет пироги, чтобы не ложиться спать в одну постель с моим отцом. Еще у нее опущение матки, болящая щитовидка, увеличенное сердце, незаживающие язвы на ноге и два съемных зубных протеза: матовый на каждый день и блестящий, с перламутровым отливом – на выход.

Я не знаю, почему у нее не было / не могло быть своих детей. Знаю, что она удочерила меня, потому что нуждалась в друге (друзей у нее не было). Я должна была стать чем-то вроде светового сигнала для всего остального мира: раз у нее есть я, то и она существует. Этаким крестиком на карте, надписью «Я была здесь».

Моя приемная мать выходила из себя при мысли о том, что она никто. Как и всем детям, приемным или нет, мне было предназначено прожить ту часть жизни, которую ей самой прожить не удалось. Мы все делаем это ради наших родите-

лей – в сущности, выбирать нам и не приходится.

Когда моя первая книга, «Не только апельсины», вышла из печати в 1985 году, миссис Уинтерсон еще была жива. В этом полуавтобиографическом романе рассказывается история молодой девушки, которую в младенчестве удочерила семейная пара христиан-пятидесятников. Девочка должна была вырасти и стать миссионеркой. Вместо этого она влюбляется в женщину. Катастрофа. Девушка уходит из дома, самостоятельно поступает в Оксфордский университет, а когда приезжает навестить мать, обнаруживает, что та устроила дома частную радиостанцию и транслирует Евангелие неверующим. Радиослушателям она представляется как «Свет доброты», такой у нее позывной.

Моя первая книга начинается так: «Как и большинство людей, я долгое время жила с отцом и матерью. Отец любил смотреть борьбу, а мама любила бороться – неважно за что»¹.

Большую часть жизни я была готова размахивать кулаками. Ведь побеждает тот, кто ударит сильнее. В детстве меня били, и я рано научилась не показывать слез. Если на ночь меня выгоняли на улицу и запирали дверь, я оставалась сидеть на крыльце и дожидалась молочника. Затем выпивала обе пинты молока, оставляла у двери пустые бутылки, чтобы

¹ Цит. по изданию: Уинтерсон Дж. Не только апельсины / пер. А. Комаринец. М.: АСТ, 2019. – Здесь и далее приводятся примечания переводчицы и редактор.

позлить мать, и шла в школу.

Мы везде ходили пешком. У нас не было ни автомобиля, ни денег на автобус. За день я в среднем наматывала по пять миль: до школы и обратно – две мили, в церковь и домой – еще три.

В церковь мы ходили каждый вечер, кроме четверга.

Кое-что из этого я описала в «Апельсинах», и, когда книгу опубликовали, мать прислала мне гневную записку, написанную безупречным каллиграфическим почерком. Она требовала, чтобы я позвонила.

К тому времени мы не виделись несколько лет. Я бросила Оксфорд, с трудом пыталась наладить собственную жизнь и написала «Апельсины» совсем юной – когда книгу опубликовали, мне было двадцать пять.

Я пошла к телефону-автомату – домашнего телефона у меня не было. И она пошла к телефону-автомату – домашнего телефона у нее тоже не было.

Я набрала код Аккрингтона и номер, строго следуя инструкции, – и вот, пожалуйста, в трубке раздался знакомый голос. Кому, спрашивается, нужен скайп? Она говорила и говорила, и ее образ, обретая привычную форму, вырастал перед моими глазами.

Миссис Уинтерсон была крупной, весьма высокой женщиной и весила около двухсот восьмидесяти фунтов. Компрессионные чулки, сандалии на плоской подошве, кримпленовое платье и нейлоновый платок. Она пользовалась пудрой

(за собой нужно следить), но не помадой (это от лукавого).

Она заполняла собой телефонную будку. Она была несо-размерна ничему, колоссальная фигура, как в сказке, где размер – вещь приблизительная и изменчивая. Она возвышалась. Она выпирала. И только позже, намного позже, слишком поздно, я всё-таки поняла, какой маленькой она себя чувствовала. Ребенок, которого никто так и не взял на руки. Этот недолюбленный ребенок навсегда остался у нее внутри.

Но в тот день она определенно неслась вперед собственного гнева. «Впервые в жизни, – выпалила она, – мне пришлось заказать книгу на вымышленное имя!»

Я попыталась объяснить, чего стремилась достичь в своей работе. Я амбициозная писательница – не вижу смысла что-то из себя изображать, да и вообще делать что угодно, если не ставишь перед собой больших целей. В 1985 году мемуарный жанр был не в почете, но в любом случае я не мемуары писала. Я пыталась избавиться от бытовавшей в обществе идеи, что женщины всегда пишут о «пережитом» – они, дескать, ограничены собственным опытом, в то время как мужчины пишут широко и дерзко, свободными мазками, экспериментируя с формой. Генри Джеймс напрасно сказал, что Джейн Остин писала на маленьких кусочках слоновой кости, то есть о крохотных тонко подмеченных мелочах. Что-то похожее говорили об Эмили Дикинсон и Вирджинии Вулф. Меня это приводило в бешенство. Да почему же нельзя объединить опыт с экспериментом? Разве невозможно од-

новременно наблюдать и творить? С чего вдруг женщину будет что-то или кто-то ограничивать? Отчего бы женщине не стремиться к успеху в литературе? А в жизни?

Миссис Уинтерсон категорически не желала меня слышать. Она была уверена, что писатели – это богемные распутники, у которых нет ни приличной профессии, ни уважения к правилам. В нашем доме книги были под запретом (я позже объясню, почему) – и вот мало того, что меня угораздило написать книгу, так ее еще и опубликовали, и даже вручили за нее премию... И теперь я стою в телефонной будке, читаю матери лекцию о литературе и спорю с ней о феминизме...

Короткие гудки – еще одна монетка в монетоприемнике. Ее голос накатывает и отступает, словно морская волна, а я думаю: «Почему ты мной не гордишься?»

Короткие гудки – еще одна монетка в монетоприемнике. И вот меня снова выгнали из дома, я на ступеньках крыльца. Жутко холодно, я подложила под попу газетку и съежилась в коротком пальтишке из шерстяной байки.

Мимо проходит соседка. Оставляет мне пакетик жареной картошки. Она знает, что за человек моя мать.

В доме горит свет. Папа работает в ночную смену, она могла бы лечь спать. Но она, конечно, будет всю ночь читать Библию. Когда отец вернется, он впустит меня в дом и промолчит. Она тоже ничего мне не скажет, и мы будем вести себя так, будто это нормально – выгонять ребенка из дома

на всю ночь, будто это нормально – никогда не спать с мужем в одной постели. Будто нормально иметь два съемных зубных протеза и держать револьвер в ящике с тряпками и щетками...

Мы всё еще стоим каждая в своей телефонной будке. Она сообщает, что мой успех – происки дьявола, хозяина «чужой колыбели». Она швыряет мне в лицо тот факт, что я использовала в романе собственное имя: «Скажи на милость, если это всё выдуманная история, то почему главную героиню зовут Джанет?»

Почему?

Не было времени, когда я бы не выдумывала свои истории в пику ей. Такой уж у меня был способ выживать с самого начала. Приемные дети любят присочинить о себе: нам приходится это делать, поскольку в самом начале нашей жизни зияет провал, отсутствие, знак вопроса. Важнейшая часть нашей истории исчезла, стерта насильно, будто в утробе матери взорвалась бомба.

Этот взрыв выносит ребенка в полностью неизведанный мир, познать который можно единственным способом – через историю, которую мы рассказываем о мире и себе. Все мы так живем, наша жизнь и есть рассказ, но усыновление забрасывает тебя в историю, которая уже началась. Это как читать книгу, в которой не хватает первых страниц, как угодить на представление, когда занавес уже поднят. Чего-то

недостает, и это чувство никогда, никогда не покинет тебя – да оно и не может, не должно уйти, потому что чего-то *действительно* недостает.

Кстати, это не обязательно плохо. Утраченное прошлое, утраченная часть истории может стать открытием, а не провалом. Может оказаться как входом, так и выходом. Это древние окаменелости, отпечаток другой жизни, которую ты никогда не сможешь прожить. Наощупь ты познаёшь пространство, где она могла располагаться, и учишься считывать своего рода шрифт Брайля твоей жизни.

Эти отметины выступают над поверхностью, словно рубцы. Рассмотрю их. Рассмотрю обиду и боль. Перепишу их. Перепишу обиду и боль.

Именно поэтому я – писательница. Я не говорю «решила стать» или «стала» писательницей. Это не было волевым решением или даже свободным выбором. Чтобы не угодить в тесные сети истории миссис Уинтерсон, мне пришлось научиться рассказывать собственную историю.

Наполовину реальность, а наполовину вымысел – вот что такое жизнь. Она всегда служит прикрытием. Я сама написала путь, по которому смогла выбраться.

– Но это же неправда... – сказала миссис Уинтерсон.

Неправда? Это говорила женщина, которая объясняла мне, что в периодических набегах мышей на нашу кухню виновата эктоплазма.

В Аккрингтоне, что в графстве Ланкашир, стоял типовой дом из тех, которые мы называли «два на два»: две комнаты на первом этаже, две комнаты на втором. Втроем мы прожили в этом доме шестнадцать лет. Я рассказала свою версию: достоверную и выдуманную, точную и приукрашенную, изложенную не по порядку. Я сделала героиней себя, как в любой истории о кораблекрушении. Это и было кораблекрушение, меня выбросило на дальний берег человечества, правда, со временем я поняла, что не так уж оно и человечно.

Очень грустно думать об альтернативной истории, которую я описала в «Апельсинах», и понимать, что рассказала версию, с которой могла смириться. Другая, настоящая, была слишком болезненной. Я бы ее не пережила.

Меня часто спрашивают (мимоходом, для галочки): что в «Апельсинах» правда, а что нет? Работала ли я в похоронном бюро? Правда ли водила фургончик с мороженым? Существовал ли шатер Благой вести? Миссис Уинтерсон действительно собрала собственную радиостанцию? Она в самом деле глушила мартовских котов из рогатки?

На эти вопросы ответить я не могу. Но могу сказать, что в «Апельсинах» есть персонаж по имени Глаголющая Элси: она приглядывает за маленькой Джанет и действует как буфер, защита от обид и карающей силы Матери.

Я вписала ее в книгу, потому что не могла от нее отказаться.

ся. Я вписала ее, потому что изо всех сил хотела, чтобы она была. Одиноким дети находят себе воображаемого друга.

Никакой Элси не было. И не было никого, кто был бы на нее похож. В действительности мой мир был куда более одиноким.

Перемены я проводила сидя на перилах в школьном дворе. Я не была популярной или симпатичной девочкой – слишком колючая, слишком взрывная, слишком чувствительная, слишком странная. Хождение в церковь не способствовало дружбе с одноклассниками, а в школе издевались над теми, кто отличался от большинства. Вышитую на моей сумке фразу «ПРОШЛА ЖАТВА, КОНЧИЛОСЬ ЛЕТО, А МЫ НЕ СПАСЕНЫ»² было видно издалека.

Но даже когда мне удавалось завести друзей, я сама всё нарочно портила...

Если какая-нибудь девочка проявляла ко мне интерес, я дожидалась удобного момента и застигала ее врасплох заявлением, что больше не хочу с ней дружить. Наблюдала за ее замешательством и горем. Смотрела, как она плакала. А потом убегала, торжествуя, что держу всё под контролем, но торжество и ощущение власти над ситуацией быстро улетучивались, и тогда рыдала уже я – ведь я сама выгоняла себя из дома, снова оказываясь на ступеньках крыльца, где вовсе не хотела находиться.

² Иеремия 8:20.

Приемный ребенок – всегда чужак. Ты не чувствуешь принадлежности к группе и ведешь себя соответственно. В результате ты поступаешь с другими так, как другие поступали с тобой. Невозможно поверить, что тебя любят просто за то, что ты – это ты.

Я никогда не верила, что приемные родители любят меня. Я попыталась любить их, но у меня ничего не вышло. Понадобилось много времени, чтобы научиться любить – и отдавать любовь, и принимать ее. Я одержимо писала о любви, разбирала ее по косточкам, осознавала и по-прежнему осознаю ее как высшую ценность. Конечно, я любила Бога, когда была совсем маленькой, и Бог любил меня. Это было уже что-то. А еще я любила животных и природу. И поэзию. Но с людьми возникали сложности. Как любить другого человека? Как поверить, что другой человек любит тебя?

Я понятия не имела.

Я считала, что любовь – это утрата.

Почему мы измеряем любовь утратой?

Такими словами начинается моя книга «Письмена на теле» (1992). Я преследовала любовь, расставляла на нее капканы, теряла любовь, тосковала по ней и стремилась к любви...

Правда – штука очень сложная для кого угодно. Для писательницы то, о чем она решила умолчать, так же красноречиво, как и то, что она включила в книгу. Что лежит за пре-

делами текста? Фотографы komponуют кадр, писатели komponуют свой мир.

Миссис Уинтерсон возражала против того, о чем я написала в «Апельсинах», но я убеждена: то, о чем я умолчала, осталось безмолвным близнецом рассказанного. Некоторые события приносят нам такую боль, что мы и заикнуться о них не можем, и таких событий много. Мы надеемся, что высказанное облегчит или хоть как-то смягчит ту часть, что так и не обрела голоса. Акт повествования – это своего рода компенсаторная реакция. Мир нечестен, несправедлив, непознаваем, им невозможно управлять.

Когда мы рассказываем истории, мы берем власть в свои руки, но неминуемо оставляем зазор, открытую дверь. Рассказ – это одна из версий, которая, однако, никогда не становится окончательной. Может быть, мы надеемся, что кто-то расслышит эти паузы, история обретет продолжение, будет рассказана заново.

Когда мы пишем, мы излагаем не только историю, но и паузы. Слова – произносимая часть молчания.

* * *

Миссис Уинтерсон предпочла бы, чтобы я молчала.

Помните легенду о Филомеле? Ее изнасиловали, а потом насильник вырвал ей язык, чтобы она не смогла рассказать о произошедшем.

Я верю в силу литературы и в силу историй, потому что благодаря им мы обретаем дар речи. Нас не заставить молчать. Все мы, проживая травму, обнаруживаем, что запинаемся и заикаемся, в нашей речи появляются долгие паузы. Слова застревают в горле. Через язык других мы возвращаем себе способность говорить. Мы можем обратиться к стихотворению. Мы открываем книгу. Кто-то готов прийти нам на помощь и уже подобрал слова.

Мне были нужны слова, потому что в несчастливых семьях существует заговор молчания. И нет прощения тем, кто однажды нарушит тишину. Ему или ей придется научиться себя прощать.

Бог есть прощение – по меньшей мере так его описывают в одной конкретной книге. В нашем же доме Бог был ветхозаветным, так что прощение не приходило без огромной жертвы. Миссис Уинтерсон была несчастлива, и нам приходилось быть несчастными вместе с ней. Она ждала апокалипсиса.

Ее любимой песней был гимн «Господь изверг их прочь» – подразумевалось, что это о грехах, но в действительности речь шла о каждом, кто когда-либо докучал ей, то есть обо всех окружающих. Ей не нравился никто, ей в целом не нравилась жизнь. Жизнь была бременем, которое нужно влечь до самой могилы, а там сбросить. Жизнь была юдолью слез. Жизнь была подготовкой к смерти.

Каждый день миссис Уинтерсон молила: «Господи, ниспошли мне смерть». Наблюдать за этим нам с папой было тяжело.

Ее собственная мать была благовоспитанной женщиной, которая вышла замуж за привлекательного мерзавца, отдала ему приданое и дальше беспомощно наблюдала, как он просаживает его на женщин. Какое-то время, примерно с моих трех до пяти лет, нам пришлось жить у бабушки, чтобы миссис Уинтерсон могла ухаживать за матерью, умиравшей от рака гортани.

И хотя миссис У. была глубоко религиозна, она к тому же верила в духов. Поэтому ее ужасно злило, что бабушкина спутница – стареющая буфетчица с крашеными волосами – была медиумом и проводила спиритические сеансы в нашей гостиной.

После сеансов мать жаловалась на засилье в доме мужчин в военной форме. Если я приходила в кухню за хлебом с тушенкой, мне запрещалось есть, пока мертвецы не разойдутся. Это могло занять несколько часов, а терпеть довольно трудно, когда тебе четыре года.

Тогда я завела привычку бродить по улице и просить еду у прохожих. Миссис Уинтерсон меня застукала, и я впервые услышала мрачную историю о дьяволе и чужой колыбели...

Соседнюю с моей колыбель занимал маленький мальчик по имени Пол. Он был моим призрачным двойником: его безгрешный образ приходил на помощь, когда я не слуша-

лась. Пол никогда бы не уронил новую куклу в пруд (ничтожно малую вероятность того, что у Пола вообще могла появиться кукла, мы не обсуждали). Пол ни за что бы не набил помидорами чехол от пижамы в виде пуделя, чтобы поиграть в операцию на желудке с похожим на настоящую кровь месивом. Пол не стал бы прятать дедушкин противогаз (по необъяснимой причине он завалился у деда еще со времен войны и очень мне нравился). Пол не заявился бы в этом самом противогазе на милый праздник по случаю дня рождения, на который его не приглашали.

Если бы вместо меня они взяли Пола, всё было бы иначе, лучше. Предполагалось, что я должна была стать для своей матери подругой... какой она была для своей мамы.

А потом ее мать умерла, и она замкнулась в собственном горе. А я заперлась в кладовке, поскольку научилась пользоваться ключиком для открывания банок с тушенкой.

Есть у меня одно воспоминание. Но так ли всё было на самом деле?

Воспоминание это начинается с роз, что удивительно для такого грубого и неприятного случая, но мой дед был заядлым садовником и особенно любил розы. Мне нравилось заставлять его за работой в саду: в вязаном жилете и рубашке с закатанными рукавами, он опрыскивал цветы из блестящей медной лейки с помпой. Он любил меня – по-своему, конечно. Мою мать дед недолюбливал, она его тоже терпеть

не могла – не злобно, скорее с ядовитым и покорным недовольством.

На мне любимый ковбойский наряд – костюм и шляпа с бахромой. Мое тельце опоясано ремнем, с которого свисают стреляющие пистонами кольца.

В сад входит женщина, и дедушка велит мне бежать в дом. Нужно позвать маму, которая, как обычно, готовит гору бутербродов.

Я вбегаю в дом – миссис Уинтерсон снимает фартук и идет к двери.

Я подглядываю из коридора. Женщины, знакомая и незнакомая, яростно ругаются, и я не понимаю, в чем дело, но чувствую, как от них исходит что-то отчаянное и пугающее, какой-то животный страх. Миссис Уинтерсон захлопывает дверь и на мгновение прислоняется к ней. Я выползаю из своего укрытия. Она оборачивается. И видит меня – в ковбойском наряде.

– Это была моя мама?

Миссис Уинтерсон отвешивает мне пощечину, я падаю на спину. Она убегает вверх.

Я выхожу в сад. Дедушка опрыскивает розы. Он не обращает на меня внимания. И никого больше нет.

2. МОЙ ВАМ СОВЕТ: РОЖДАЙТЕСЬ

Я родилась в Манчестере в 1959 году. Хорошее место, чтобы родиться.

Манчестер расположен на юге северной части Англии.

В городе царит своенравный дух – Север и Юг здесь сплелись воедино, – неукротимый и совсем не столичный, и в то же время практичный и приземленный.

Манчестер стал первым в мире промышленным центром, его ткацкие фабрики и заводы изменили до неузнаваемости как сам город, так и финансовые возможности британских промышленников. Манчестерские каналы открыли легкий доступ к огромному порту Ливерпуля, а железные дороги переносили мыслителей и деятелей в Лондон и обратно. Этот город оказал влияние на весь мир.

В Манчестере смешалось всё и вся. Манчестер был радикальным: здесь жили Маркс и Энгельс. Манчестер был репрессивным: здесь случилась бойня при Петерлоо³ и началась борьба с «хлебными законами». Фабрики Манчестера пряли несметные богатства, одновременно вплетая отчаяние

³ Битва при Петерлоо, также известная как Манчестерская бойня, – жестоко подавленный митинг за всеобщее избирательное право, состоявшийся 16 августа 1819 года на площади Святого Петра. Название содержит игру слов – в столкновении участвовали гусары, сражавшиеся в битве при Ватерлоо.

и упадок в ткань человечества. Манчестер был утилитаристским, здесь всё рассматривалось с точки зрения «Хорошо ли это работает?» Манчестер был утопическим: с его квакерством, феминизмом, движением против рабства, социализмом и коммунизмом.

Манчестерский сплав алхимии и географии невозможно разделить на исходные элементы. Что там было, откуда взялось... Задолго до того, как в 79 году нашей эры римляне основали здесь форт, кельты уже поклонялись богине реки Медлок. Это место называлось Мам-честер⁴, поскольку «мам» – это мать, это материнское молоко, жизненная сила... энергия.

К югу от Манчестера лежит Чеширская равнина. Поселения в Чешире едва ли не самые древние из обнаруженных на Британских островах. Тут располагались деревни и странные, но прямые дороги к тому месту на широкой и глубокой реке Мерси, которое со временем назвали Ливерпулем.

К северу и востоку от Манчестера раскинулись Пеннинские горы – дикие, грубые, невысокие горные хребты тянутся через север Англии, где разбросаны редкие первые поселения, в которых мужчины и женщины жили уединенной, часто неустроенной жизнью. Гладкая Чеширская равнина, цивилизованная, обустроенная, и резкий рельеф Пеннинских

⁴ Манчестер упоминается на римской карте дорог как Мамуций. Название представляет собой латинизированную форму предположительно кельтского слова со значением «грудь», что объясняют расположением селения на округлом холме.

гор в Ланкашире – подходящие места для размышления, места, где можно укрыться.

До окончательного межевания территорий Манчестер частично находился в графстве Чешир, а частично – в Ланкашире, и эта двойственность наделяет город беспокойной энергией и противоречивостью.

Текстильный бум в самом начале девятнадцатого века собрал все окрестные деревеньки и близлежащие поселения в одну огромную машину по производству денег. До Первой мировой войны шестьдесят пять процентов мирового объема хлопка перерабатывалось в Манчестере. Его называли Хлопкополисом.

Представьте огромные освещенные газовыми лампами заводы. Машины, приводимые в действие силой пара. Меж фабричных зданий теснятся многоквартирные дома. Грязь, дым, вонь красителей и аммиака, серы и угля. Звон монет, днем и ночью непрерывное движение, оглушительный шум ткацких станков, поездов и трамваев, грохот телег по булыжной мостовой, очевидная беспощадность человеческой жизни, адский Нибельхейм и триумфальное шествие труда и целеустремленности.

Манчестер восхищает и в то же время приводит в ужас всякого, кто приезжает сюда. Чарльз Диккенс вдохновился им при написании «Тяжелых времен»: здесь бывали и лучшие, и худшие времена – и невероятные достижения техники, и страшная цена, которую платили работники.

Плохо одетые, измученные, пьяные и больные мужчины и женщины отработывали двенадцатичасовые смены по шесть дней в неделю, теряли слух, гребили легкие, не видели дневного света, тащили на работу детей, которые ползали под оглушительно грохочущими ткацкими станками, подбирая очесы хлопка, подметая, рискуя потерять кисти рук, руки, ноги, – совсем еще малыши, слабенькие, неграмотные и часто нежеланные. Женщины, на которых сваливались все домашние дела, работали так же упорно, как и мужчины.

Повсюду спуют дети и женщины, оборванные и такие же грязные, как свиньи, которые тут же валяются в кучах мусора и лужах... улицы в рытвинах и ухабах, большей частью немощеные и без сточных канав... стоячие повсюду лужи... темный дым от целой дюжины фабричных труб... среди этой невообразимой грязи и вони...

Фридрих Энгельс, «Положение рабочего класса в Англии» (1844)

Неприкрытая реальность манчестерской жизни, в которой всё было на виду, где успехи и провалы новой, неуправляемой реальности проявлялись повсюду, швырнула город в объятия радикализма, что в долгосрочной перспективе оказалось важнее, чем торговля хлопком.

Манчестер *бурлил*. Семейство Панкхёрст устало от тупиковых разговоров об избирательном праве и в 1903 году вышло на путь сопротивления, организовав Женский социаль-

но-политический союз.

В 1868 году в Манчестере прошел первый съезд Британского конгресса тред-юнионов. Его целью было добиться перемен, а не говорить о них.

Двадцатью годами ранее, в 1848 году, Карл Маркс опубликовал «Манифест коммунистической партии», большую часть которого он написал в Манчестере вместе со своим другом Фридрихом Энгельсом. Город, не оставлявший времени на размышления, город, захваченный жаждой деятельности, превратил теоретиков в активистов, и Маркс хотел использовать эту безграничную лихую энергию во благо...

В Манчестере Энгельс работал на предприятии отца и открыл для себя жестокую реальность жизни рабочего класса. «Положение рабочего класса в Англии» интересно читать и сегодня – пугающий, неутешительный текст о том, чем обернулась промышленная революция для простых людей, – что происходит, когда люди смотрят друг на друга «только как на объект для использования».

Обстоятельства твоего рождения – семья, история места и то, как эта история переплетается с твоей собственной, – определяют тебя, что бы ни вещали адепты глобализации. Моя родная мать стояла у станка на заводе. Мой приемный отец сначала был дорожным рабочим, а потом посменно выгружал уголь на электростанции. Он отработывал смены по десять часов, когда мог – оставался сверхурочно, эконо-

мил на автобусных билетах и каждый день проезжал на велосипеде по шесть миль в один конец. Мясо у нас на столе появлялось всего дважды в неделю, а у отца никогда не хватало денег на что-нибудь более выдающееся, чем раз в год на неделю вывезти семью к морю.

Отец зарабатывал не больше и не меньше, чем другие мужчины округи. Мы все были рабочим классом, толпой у заводских ворот.

Я не хотела угодить в этот пчелиный рой рабочего класса. Я хотела работать, но не так, как отец. Я не хотела исчезнуть. Я не хотела родиться и умереть в одном и том же месте, выехав разве что на неделю к морю. Я мечтала о побеге – если и есть что-то ужасное в индустриализации, так это то, что она делает побег необходимостью. В системе, порождающей безликие толпы, индивидуализм – единственный способ спастись. Но что тогда станет с общиной – и с обществом?

В бытность премьер-министром Маргарет Тэтчер выразилась в духе своего дружка Рональда Рейгана, отдавая должное восьмидесятым, которые называли «десятилетие Я»: «Общества как такового не существует...»

Но пока я росла, мне до этого не было дела – и всех этих тонкостей я не улавливала.

Я просто хотела выбраться.

Моя родная мать, как мне рассказывали, была невысокой рыженькой девчушкой из района ткацких фабрик в Ланка-

шире, которая в семнадцать лет легко, будто кошка, вытолкнула меня на свет.

Она была родом из деревеньки Блэкли, той самой, где шили свадебное платье для королевы Виктории. Хотя к тому времени, когда родилась моя мать, Блэкли уже не был деревней. Деревню поглотил город – такова история индустриализации, в которой есть место и отчаянию, и волнению, и жестокости, и поэзии – и всё это живет теперь во мне.

Когда родилась я, ткацкие фабрики уже ушли в прошлое, но низкие, стоящие встык длинными рядами дома остались – и каменные, и кирпичные – под пологими крышами из сланцевой черепицы. Скат сланцевой черепичной крыши должен быть не больше 33 градусов – с каменной же черепицей придется выдержать угол в 45, а то и в 54 градуса. Облик места полностью определялся тем, какие материалы были под рукой. По более крутым крышам с каменной черепицей дождевая вода стекает медленнее, задерживаемая неровностями и щербинками камня. А вот сланец более быстрый и гладкий, и, если такая крыша будет слишком крутой, вода обрушится с нее в водосточные желоба сплошной стеной. Наклон замедляет поток.

Типичные плоские серые неприглядные крыши северных рабочих районов выполняли нешуточную практическую задачу – как и промышленность, которую они снабжали рабочей силой. К ним привыкаешь, ведь, занимаясь тяжелым тру-

дом, не отвлекаешься на красоту и прочие фантазии. Не ради красивого вида из окна строились эти дома. Мощеные толстенным песчаником полы, невзрачные крошечные комнатки, унылые задворки.

И даже выбравшись на крышу дома, увидишь лишь приземистые ряды дымоходов, изрыгающие клубы угольного дыма в туман, за которым прячется небо.

И всё-таки...

Пеннинские горы в Ланкашире – зачарованный край. Низкие, широко раскинувшиеся, массивные, твердые, с четко прорисованными гребнями холмов; словно грубоватые стражи, которые любят то, что не в силах защитить, и потому остаются на месте, склоняясь над уродливыми человеческими творениями. Испещренные шрамами и рытвинами – но всё-таки остаются.

Двигаясь по трассе М62 из Манчестера в направлении Аккрингтона, где я выросла, вы увидите Пеннинские горы – оглушительные в своей внезапности и тишине. Это пейзаж немногословный, неразговорчивый и упрямый. Не простая красота.

Но как же они прекрасны.

Где-то между шестью неделями и шестью месяцами от роду меня забрали из Манчестера и привезли в Аккрингтон. Отношения между мной и женщиной, которая меня родила, закончились.

Она исчезла. Исчезла и я.

Меня удочерили.

21 января 1960 года Джон Уильям Уинтерсон (рабочий) и Констанция Уинтерсон (госслужащая) получили ребенка, которого, как им казалось, они хотели, и отвезли его домой, в Аккрингтон, графство Ланкашир, по адресу Уотер-стрит, дом 200.

Этот дом они купили в 1947 году за двести фунтов.

В 1947 году зима в Британии выдалась самой холодной за всё двадцатое столетие. Снега намело столько, что когда в дом заносили пианино, его едва было видно из-за сугробов.

В 1947 году война уже закончилась, мой отец демобилизовался и изо всех сил старался заработать на жизнь. Его жена в тот год выбросила обручальное кольцо в сточную канаву и полностью отказалась от сексуальных отношений.

Я не знаю (и никогда не узнаю), действительно ли она не могла иметь детей или отказалась проходить через этот процесс по другим причинам.

Я знаю, что, прежде чем уверовать, оба они немного выпивали и курили. Не думаю, что у моей матери в те дни была депрессия. После палаточного похода, в котором они стали евангельскими христианами-пятидесятниками, оба отказались от алкоголя (кроме вишневой наливки на Новый год), а отец сменил сигареты «Вудбайнз» на мятные конфеты «Поло». Мать продолжала курить, утверждая, что сигареты помогают контролировать вес. Предполагалось, что курение –

это ее секрет: она носила в сумочке освежитель воздуха и говорила всем, что это средство от мух.

Словно это самое обычное дело – держать в дамской сумочке средство от мух.

Она была истово убеждена в том, что Господь ниспошлет ей дитя, и, видимо, в том, что раз за появление ребенка отвечает Бог, секс можно смело вычеркнуть из списка дел. Не знаю, как к этому относился отец. Миссис Уинтерсон всегда говорила: «Он не такой, как другие мужчины...»

Каждую пятницу он приносил домой конверт с зарплатой, а она выдавала ему горсть мелочи, которой как раз должно было хватить на три пачки мятных конфет.

– Это его единственное удовольствие... – говорила она. Бедный папа.

Он снова женился в семьдесят два года. Его новая жена Лилиан, на десять лет моложе и с весьма бурным прошлым, говорила, что спать с ним в одной постели – всё равно что лежать рядом с раскаленной докрасна кочергой.

До двух лет я орала как резаная. Это служило очевидным свидетельством моей одержимости дьяволом. О детской психологии в Аккрингтоне слухом не слыхивали, и вопреки важным научным работам Винникотта, Боулби и Балинта о привязанности и травме из-за ранней утраты объекта любви, которым является мать, кричащий ребенок считался не крохой с разбитым сердцем, а отродьем дьявола.

Это наделило меня странной властью, но в то же время сделало очень уязвимой. Думаю, мои новые родители меня боялись.

Младенцы вообще пугающие создания – неприкрытые тиграны, чья единственная вотчина – это их собственное тело. У моей новой матери была масса проблем с телом – своим собственным, отцовским, их телами вместе, а теперь еще и с моим. Она кутала свое тело в плоть и одежду, заглушала его потребности внушающей ужас смесью никотина и религии, травилась слабительными, от которых ее тошнило, сдавала свое тело врачам, которые мучали его клизмами и маточными кольцами. Она полностью подавила стремления тела к удобству и повседневному прикосновению – и тут внезапно, не от плоти своей, не подозревая, с чем столкнется, она заполучила существо, которое было сплошным телом.

Это существо срыгивало, брызгалось, растопыривалось, исторгало фекалии, и оно буквально взорвало дом нагой жизнью.

Я появилась, когда ей было тридцать семь, а отцу сорок. В наши дни это обычное дело, но в шестидесятые люди женились рано и обзаводились детьми лет в двадцать. К этому времени они с отцом были женаты уже пятнадцать лет.

Это был старомодный брак: отец никогда не готовил, а мать с моим появлением перестала ходить на работу. Это очень плохо на ней сказалось: она и до того была довольно замкнутой, а теперь, в четырех стенах, и вовсе погрузилась

в депрессию. Ссорились мы часто и по разным поводам, но в действительности это всегда была битва между счастьем и несчастьем.

Меня очень часто переполняли гнев и отчаяние. Мне всегда было одиноко. Но вопреки всему я любила и по сей день продолжаю любить жизнь. В моменты уныния я уходила на весь день в горы, прихватив с собой бутерброд с джемом и бутылку молока. Когда меня выгоняли из дома или – еще одно любимое наказание – запирали в подвале с углем, я сочиняла истории и забывала о холоде и темноте. Я знаю, что всё это способы выжить, но что если отказ, любой отказ ломаться впускает в жизнь достаточно света и воздуха, чтобы мы могли продолжать верить в мир и возможность побега?

Недавно я нашла у себя несколько исписанных листков с обычной подростковой поэтической белибердой, где обнаружила строчку, которую позже незаметно для себя использовала в «Апельсинах»: «То, что я ищу, непременно существует, нужно только набраться смелости и искать...»

Да, звучит как подростковая мелодрама, но, похоже, у такого подхода была защитная функция.

Больше всего я любила истории о спрятанных сокровищах, потерянных детях и принцессах в заточении. Сокровища находились, дети возвращались домой, принцесс кто-то освобождал – и это давало мне надежду.

А еще Библия гласила, что даже если никто на всей земле меня не любит, то на небесах есть Бог, любящий меня так,

как будто я для него избранная и единственно важная.

Я в это верила. Мне помогало.

Моя мать, миссис Уинтерсон, жизнь не любила. Она не верила, что ее хоть что-то может сделать лучше. Однажды она сказала мне, что вселенная – это корзина с мусором, космическая помойка. Я обдумала услышанное и спросила, открыта или закрыта крышка этой помойки.

– Закрыта, – ответила она. – Никому не спастись.

Единственным спасением был Армагеддон – последняя битва, в которой небеса и земля свернутся, как свиток книжный, а спасенные обретут вечную жизнь во Христе.

У нее по-прежнему был военный буфет. Каждую неделю она добавляла туда новую банку консервов – некоторые стояли там с 1947 года, – и я думала, что, когда разразится последняя битва, нам придется жить под лестницей, где хранилась вакса, и уничтожать одну банку консервов за другой. Мои ранние успехи в обращении с мясными консервами внушали мне уверенность в завтрашнем дне. Мы будем есть наш паек и ждать Иисуса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.